
СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 81'272

DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-75-86

Развитие билингвизма в Республике Тыва: дихотомия ценностей прагматизма и идентичности

Т. Г. Боргоякова¹, Ч. Б. Донгак²

¹ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

² Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Аннотация

Особенности развития официального двуязычия в Республике Тыва выявляются в контексте теории языковой справедливости и противопоставления ценностей прагматизма и идентичности. Специфика дихотомии *функционально первый / функционально второй* языки в Республике Тыва заключается в отсутствии ее корреляции с принятой дихотомией *мажоритарный / миноритарный* языки. Вскрыта взаимодополняющая связь между прагматической ценностью тувинского языка (сферы семейной, дружеской, профессиональной и виртуальной коммуникации) и ценностью идентичности. Русский язык, являясь для большинства тувинцев функционально вторым языком, одновременно выполняет роль функционально первого языка большинства населения на уровне государства и сохраняет сильные позиции в тувинско-русском билингвальном пространстве. Практическим материалом исследования послужили статистические данные последней Всероссийской переписи населения, материалы социолингвистического анкетирования и интервьюирования в Республике Тыва в 2020 и 2022 гг.

Ключевые слова

языковая справедливость, языковая политика, тувинско-русский билингвизм, миноритарные языки, витальность языка, дихотомия ценностей языка

Для цитирования

Боргоякова Т. Г., Донгак Ч. Б. Развитие билингвизма в Республике Тыва: дихотомия ценностей прагматизма и идентичности // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 75–86. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-75-86

© Т. Г. Боргоякова, Ч. Б. Донгак, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024, no. 2 (iss. 50)

Development of bilingualism in the Republic of Tuva: dichotomy of pragmatism and identity values

T. G. Borgoiakova¹, Ch. B. Dongak²

¹ Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

² Tuvan State University, Kyzyl, Russia

Abstract

The development of official bilingualism in the Republic of Tuva is considered in terms of the linguistic justice theory and the dichotomy of pragmatism-identity values. The specificity of the *functionally first/functionally second* language dichotomy in the Republic of Tuva is that it does not correlate with the conventional dichotomy of *majority/minority* languages. To conduct practical research, the authors collected data from the most recent population census in Russia, as well as conducted sociolinguistic surveys and interviews in the Republic of Tuva between 2020 and 2022. The study has revealed a clear pragmatic value of the Tuvan language in family, friendship, professional, and virtual communication to be closely correlated with the identity value. There are several tendencies to be noted. First, functioning as a second language for most Tuvan adults and serving as the primary language for the majority within the Russian Federation, the Russian language retains strong positions in the Tuvan-Russian bilingual space. Second, the diminishing influence of the titular languages in Russian republics' education system amplifies the practical significance of the Russian language. Third, given the Russian language predominance in children's entertainment content in the Internet space, one can observe a rapid shift towards Russian becoming the primary or sole language of communication among children, even in monoethnic rural areas like Tuva. To conclude, the aforementioned trends have necessitated the implementation of a suitable regional language policy and planning tool, like the State Support Strategy for the Tuvan language, which was approved by the local government in 2023.

Keywords

linguistic justice, language policy, Tuvan-Russian bilingualism, minority languages, language vitality, dichotomy of linguistic values

For citation

T. G. Borgoiakova, Ch. B. Dongak. Razvitie bilingvizma v Respublike Tyva: dikhotomiya tsennostey pragmatizma i identichnosti [Development of bilingualism in the Republic of Tuva: dichotomy of values of pragmatism and identity]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 75–86. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-75-86

Введение

Лингвистическая справедливость является частью понятия социальной справедливости, рассматриваемой как приложение теории справедливости к текущим социальным проблемам. Важную роль в продвижении идей справедливости как существенных свобод, которые должны быть доступны каждому человеку для достижения его ценностных целей в жизни, сыграли труды Амартии Сена, индийского экономиста и философа, лауреата Нобелевской премии [Sen 1992].

Научный интерес к взаимосвязи между языком и социальной (не)справедливостью в условиях би-, полилингвальной реальности сохраняет свою актуальность, прежде всего, в исследованиях в области политической философии и социолингвистики. Как правило, вопросы справедливости языковой политики рассматриваются в них в рамках большого поля культурных различий, в котором ядром дискуссий становятся ценности, связанные с идентичностью, потому что ими пренебрегают одни теоретики и решительно защищают другие [Codo and Riera-Gil 2022].

Цель нашего исследования – рассмотреть дихотомию ценностей прагматизма и идентичности, коррелирующую с противопоставлением большинства / меньшинства, на примере особенностей развития билингвизма в Республике Тыва в контексте принципов языковой справедливости. Практическим материалом исследования послужили статистические

данные последней Всероссийской переписи населения, материалы социолингвистического анкетирования и интервьюирования в Республике Тыва в 2020 и 2022 гг.

В теории языковой справедливости ценности идентичности контрастируют с инструментальными/прагматическими или отрицающими идентичность (*non-identity*) ценностями, которые лежали в основе создания национальных государств XIX в. При этом, по мнению С. Мэя, избрание национальных (общегосударственных) языков обычно происходило одновременно с часто карательным процессом «миноритизации» имеющихся языковых разновидностей. В результате национальные языки стали коррелировать с современностью и прогрессом, а миноритарные (локальные) языки – удобно ассоциироваться с традициями и устареванием. Чаще всего последние также специально конструировались как угрозы «единству» государства [May 2017: 36].

Сохранение и доминирование инструментального подхода в языковой политике часто объясняется потребностями социального и экономического прогресса, при котором доминантный язык содействует справедливости через гарантии того, что все могут общаться на одном языке. При этом носители доминантных языков оказываются в привилегированном положении – без необходимости обязательного изучения второго языка, так как их родной язык обеспечивает единство прагматических и идентификационных ценностей. Дискуссии о способах достижения языковой справедливости по отношению к носителям миноритарных языков связаны, в том числе, с предложениями о внедрении компенсаторных или перераспределительных подходов, облагающих «налогом» тех, у кого есть лингвистические привилегии. Так, Ван Парийс, обосновывая несомненную роль английского языка как единственного мирового лингва франка, предлагает продвигать уважение, достоинство и самоуважение носителей других (местных) языков через неукоснительное соблюдение территориально дифференцированного принудительного языкового режима (*linguistic territoriality principle* или LTP). Такой формат, по его мнению, будет способствовать установлению «языкового мира» (*linguistic peace*) и продвижению идеи языкового многообразия [Van Parijs 2011].

Анализируя данную теорию с социолингвистической точки зрения, ученые обращают внимание на редукционистский подход, согласно которому язык рассматривается только с точки зрения масштаба его коммуникативного использования и охвата, безотносительно символической и идентификационной функции языка. Однако обеспечение того, чтобы все говорили на одном языке, недостаточно для достижения ценностных задач, которые язык ставит перед людьми: помимо своей прагматической ценности, язык имеет ценность в поддержке и продвижении идентичности [May 2017: 36; Brando 2023: 10]. К двум основным ценностям идентичности, вытекающим из языка, относятся автономия и достоинство. Первая включает понимание языка как рамки, через которую происходит осмысление, категоризация и оценка реальности. Вторая связана с использованием собственного языка или с подтверждением его статуса как возможности продвижения достоинства человека или группы. Общение на родном языке, которым оформлено и обусловлено большинство выразительных (экспрессивных) действий, – это не только эксплицитный инструмент коммуникации, но и средство показать, кто вы есть в публичной сфере. Невозможность этого (не поощряется, запрещается и т. д.) – не просто ограничение экспрессии, но и признание того, что есть некоторые способы самовыражения, которые не заслуживают равного статуса (достоинства) по отношению к другим [De Schutter and Robichaud 2015: 6; Codo and Riera-Gil 2022].

Если рассмотреть в данном ключе ситуацию в России, то коммуникация на доминантном русском языке обеспечивает всем ее народам эффективность и равные возможности коммуникации в масштабе государства, но русский язык не может обеспечить реализацию возможностей, которые представляют этнические языки других народов РФ: общение на родных языках позволяет им выразить свою автономию и достоинство как представителей своего народа.

Установление тесной связи между языками большинства и коммуникативными ценностями, с одной стороны, и между языками меньшинств и ценностями идентичности, с другой стороны,

также способствует чисто количественному пониманию коммуникации с игнорированием качественных аспектов коммуникативного взаимодействия, его результативности и эффективности [Gazzola and Grin 2007; Gazzola et al. 2023; Riera-Gil 2019].

Языковая справедливость и коммуникативно-прагматические ценности государственных языков Республики Тыва

Как показывает анализ современных би-, полилингвальных языковых ситуаций, принадлежность контактных языков к мажоритарным или миноритарным не определяет автоматически их коммуникативный вес или коммуникативную пригодность на разных уровнях государственного устройства [Riera-Gil 2019: 183]. В связи с этим в качестве аналитического инструмента для определения коммуникативной пользы языков предлагается использовать дихотомическую пару «местный / более распространенный» (*local / wider*) вместо «мажоритарный / миноритарный» (*majority / minority*). Термин *local* в данном случае означает функционально первый язык (L1), используемый местным или «укорененным» населением региона (*long-settled population*), а второй компонент дихотомии относится к первому языку большинства на более высоком уровне – в пределах всего государства [Там же: 185].

Данный терминологический вариант представляется полезным для изучения и интерпретации особенностей развития билингвизма в Республике Тыва (далее РТ). Это связано с тем, что тувинский язык – наряду с другими титульными языками республик – относится к категории мажоритарных языков народов России [Михальченко 2019: 10] в отличие от категории миноритарных языков, к которым в российской законодательной практике относятся языки коренных малочисленных народов (КМНС), язык тувинцев-тоджинцев в РТ, например. Тувинский язык является L1 большинства взрослого тувинского населения РТ, обладая соответствующей инструментальной ценностью и пользой. Мы остановимся на этом подробнее ниже. Русский язык является L1 меньшинства в лице этнических русских, проживающих в РТ, и функционально вторым языком (L2) тувинско-русских билингвов. Однако русский язык сохраняет позиции L1 большинства населения на более высоком уровне всего государства, что определяет его сильные позиции в тувинско-русском официальном билингвальном пространстве.

Обретение тувинским языком статуса государственного языка республики в начале постсоветского периода послужило укреплению языковой компетенции носителей родного языка, в том числе через расширение его использования как языка обучения в общеобразовательной школе, со-функционированию в сферах местного самоуправления и в деятельности государственных учреждений в сочетании с высоким уровнем национального самосознания и позитивного эмоционального отношения к родному языку [Боргоякова 2002: 247].

В то же время В. М. Алпатов справедливо обращает внимание на другой, нетипичный, путь развития билингвизма в постсоветский период с ослаблением функций русского языка, проявившийся в «обособленных регионах с малым процентом русских», включая РТ, где «после 1991 года почти не стало промышленности, а процент русских невелик» [Алпатов 2018: 31]. Здесь отмечается «очень слабое владение русским языком младшего поколения и особенно детей» [Там же]. Ученый называет это «радикальным вариантом» третьей модели языковой политики, когда «имеется один господствующий язык, а другие языки имеют права и поддерживаются государством на региональном уровне» [Алпатов 2018: 28]. Для исследования «радикализма» третьей модели языковой политики рассмотрим дихотомию обозначенных выше ценностей прагматизма и идентичности в «привязке» к коммуникативно-прагматической ценности двух государственных языков РТ.

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., изменения в национальном составе населения связаны с увеличением числа тувинцев на 30 тыс. человек и снижением количества русских на 17 тыс. человек в сравнении с 2010 г. Более выраженным является дисбаланс по типу расселения с точки зрения этнической принадлежности жителей, представленному в Таблице 1.

Таблица 1
Table 1**Этнический состав и тип расселения населения в РТ, %**
Ethnic composition and type of population settlement in the Republic of Tuva, %

Тувинцы			Русские		
Село	Город	Всего	Село	Город	Всего
41,9	41,1	83	2,4	7	9,48

Как видно из Таблицы 1, доли тувинцев, проживающих в городе и селе, различаются незначительно (41,1 % и 41,9 % соответственно). Среди русского населения преобладают городские жители, составляя 7 % на фоне 2,4 % сельских жителей русской национальности. Сложившееся соотношение создает условия для усиления коммуникативного веса тувинского языка, особенно в этногомогенных сельских кожуунах РТ.

Однако преобладание доли титульного этноса не всегда автоматически предполагает сохранение активного использования соответствующего родного языка. Сведения о владении тувинским языком по данным трех переписей населения, представленные ниже, свидетельствуют о том, что за последние 25 лет произошло уменьшение доли лиц, владеющих тувинским языком на 12,5 % по сравнению с показателями 2002 г. и – на 8,8 % за последние 10 лет.

Таблица 2
Table 2**Владение родным (тувинским) языком, %**
Proficiency in native (Tuvan) language, %

Всероссийская перепись населения, год	2002	2010	2020
Владение родным языком, %	99,7	96	87,2

Несомненно, следует принимать во внимание тот факт, что формулировка «владение языком» не всегда отражает реальный уровень языковой компетенции опрошенных. Как отмечается в [Кан 2016: 66], лица, владеющие тувинским слабо или не владеющие им, указывают его родным, а себя – тувинцами. Тем не менее, согласно материалам социолингвистического исследования, проведенного на базе ХГУ им. Н. Ф. Катанова в 2020 г., о свободном владении тувинским языком в совокупности всех видов речевой деятельности (аудирование, говорение, письмо и чтение) заявили 84,5 % тувинских респондентов, что позволяет признать данные последней переписи населения вполне валидными [Боргоякова и др. 2022: 47].

Что касается доли тувинцев, владеющих русским языком, то за прошедшие 30 лет произошел ее заметный рост. Так, по данным ВПН-2020 процент владеющих русским языком среди тувинцев (включая тувинцев-тоджинцев) составил 90,80 %, в то время как в 1994 г. 36,6 % тувинцев не владели или слабо владели русским языком [Боргоякова 2002: 113].

По параметру признания языка родным тувинский язык традиционно представлен высокими показателями – 95,5 %, русский язык признали родным лишь 1,46 % тувинцев.

В упомянутой выше монографии [Боргоякова и др. 2022] представлены также результаты опросов жителей РТ по уровню владения разными видами речевой деятельности (РД) на тувинском языке. Обобщение этих данных в разрезе возрастных групп представлено ниже в таблице 3.

Таблица 3
Table 3

**Возрастная стратификация свободного владения тувинским языком
в разрезе видов речевой деятельности, в %
Age stratification of fluency in the Tuvan language in the context
of types of speech activity, in %**

Виды РД \ Возраст	17–30	31–40	41–50	51–60	61 и старше
Понимание	85,5	88,2	93,3	94,0	76,7
Говорение	84,8	82,9	90,5	94,0	74,4
Письмо	75,2	80,9	85,7	84,0	69,8
Чтение	78,6	81,6	88,6	88,0	72,1
Итого	81,0	83,4	89,5	90,0	73,2

По данным Таблицы 3, наиболее высокие показатели свободного владения всеми видами РД на тувинском языке принадлежат респондентам возрастных категорий 41–50 и 51–60, у которых средний показатель по всем видам РД составляет около 90 %. Постепенное снижение качества владения языком наблюдается у молодежи 17–40 лет. Тем не менее в среднем у них неплохой показатель, составляющий 81%, в сравнении с респондентами в возрасте 61 и старше.

Для уточнения реальной инструментальной ценности языка приведем данные о сферах и интенсивности его функционирования, полученные также в рамках упомянутого выше социоллингвистического опроса 2020 г.

Таблица 4
Table 4

**Инструментальная ценность тувинского языка, в %
Instrumental values of the Tuvan language, %**

Сферы \ Язык	Семейное общение			Внешнее общение		
	родители	бабушка дедушка	друзья	коллеги	госучреждения, организации	СМИ
тувинский	74,5	88,4	43,3	28	14	4
русский и тувинский	22,4	8,5	51,8	63,6	57,6	66,5
русский	3,1	2,7	4,7	6,7	28	28,5

Судя по данным Таблицы 4, максимальная интенсивность общения только на тувинском сохраняется в кругу бабушек и дедушек – 88,4 %, составляя 96,9 % с учетом небольшой доли использующих два языка – русский и тувинский (8,5 %). Процент общающихся только на родном языке с родителями на 14 % ниже (чем общение только на тувинском с бабушками и дедушками), но в совокупности с использованием двух языков (22,4 %) показатель 96,9 % повторяется.

Высокий коммуникативный индекс выявлен также в общении с друзьями, где использование только родного языка незначительно уступает общению на двух языках, составляя в целом 95 %.

Важным индикатором прагматической ценности тувинского языка является также его использование параллельно с русским (более 50 %) при знакомстве с материалами СМИ, при обращении в государственные учреждения и организации, в общении с коллегами.

Во внешнем коммуникативном пространстве заметно увеличивается использование только русского языка (ознакомление с материалами СМИ и обращение в государственные учреждения и организации) – более 25 %.

Следует также отметить активное присутствие тувинского языка в виртуальном пространстве. Согласно данным, приведенным в [Мухарямов, Януш 2022: 276; Донгак 2023], цифровую витальность тувинского языка можно оценить как положительную – со статусом *vital* «энергичный». В наиболее популярной российской социальной сети «ВКонтакте» на 2021 г. было зарегистрировано более пяти тысяч тувинских сообществ, численность участников которых составляла от нескольких до 95 тысяч человек [Ламажаа 2021: 120]. Число интернет-сообществ, в которых привычным языком общения является тувинский, постоянно растет. Например, в мессенджере Viber активно функционирует множество групп с тувинским языком общения, разных по обсуждаемой тематике и количеству участников. Например, в группе *Торээн дылым – чоргааралым* («Мой родной язык – моя гордость») зарегистрировано 2407 участников, которые обсуждают проблемы тувинского языка и культуры. Сообщество *Эрескежээ малчыннар* («Активные животноводы») объединяет 2401 участников, заинтересованных в актуальных для РТ вопросах животноводства, а в группу *Ак баитыглар оргээзи* («Сообщество седовласых») входит 1405 участников из числа людей в пожилом и преклонном возрасте. Группа *Чогаалдарым – байлакишылым* («В сочинениях – мое богатство») объединяет 4410 участников – читателей литературных произведений современных авторов-любителей. В самой многочисленной группе *Бугу тыва чон* («Весь тувинский народ»), включающей 6313 участников, нет ограничений по обсуждаемой проблематике.

Ученые отмечают также роль кибер пространства в социальной и этнической самоорганизации тувинского сообщества [Ламажаа 2021: 126]. Авторам удалось выявить активный сегмент родственных групп, в которых общение ведется в основном на тувинском языке (32,3 %) или в равной степени на русском и тувинском языках (33,7 %). При этом есть также группы, в которых правилами предусматривается переписка только на тувинском языке (22 %) [Там же: 121]. Приведенные примеры могут свидетельствовать об укреплении витальности тувинского языка через освоение «альтернативного способа ведения социальных отношений» с заменой пространства мест на пространство потоков, в которых акцент сделан на социальные связи, включая межэтнические [Там же: 124].

Таким образом, присутствие тувинского языка в Интернете предоставляет несомненную поддержку укреплению его функционального и объединяющего потенциала, вкладу в обеспечение важной и качественной локальной коммуникации, а также свидетельствует о сохранности передачи языка от старшего поколения младшему, без которой «любые активности в цифровом мире обречены на провал» (цит. по: [Мухарямов, Януш 2022: 267]).

В то же время участники интервью 2023 г. отмечают негативное влияние информационных и телекоммуникационных технологий на переход детей / внуков в категорию русскоязычных монолингвов или русско-тувинских билингвов:

Я стала свидетелем того, как моя внучатая племянница, ребенок родителей, общающихся только на тувинском, впервые заговорила на русском, то есть речь у нее проявилась на русском. Я думаю, это все потому, что она постоянно смотрела мультфильмы на русском... Это было так странно – ведь мы все родственники говорим только по-тувински (жительница г. Кызыла, 59 лет);

Я заметила, что мои младшие внуки 9 и 10 лет между собой общаются только на русском. Я не слышала, чтобы они говорили на тувинском. Это все связано с интернетом – групповыми играми в интернете, в которые они все вместе играют, и мультиками, которые они там постоянно смотрят. Та, что постарше, еще понимает тувинский и, если люди вокруг говорят по-тувински, то и она тоже говорит, а младшая отвечает мне почти всегда по-русски (жительница г. Кызыла, 67 лет).

Неуклонное усиление прагматических ценностей доминантного русского языка связано и с тенденциями в изменении «баланса между языками России»: получение статуса «языка государствообразующего народа», с одной стороны, и ослабление положения других языков в первую очередь в такой важной коммуникативной сфере, как система образования [Мухарьямов, Януш 2022: 12]. Как отмечается в [Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин 2020: 267], «тувинский не выдерживает конкуренции с русским языком, так как фактически с 2018 г. перестал быть языком обучения». А. Н. Биткеева и Ч. С. Цыбенова связывают данные процессы ослабления языка с повышением «прагматической ценности образования среди молодежи», а также с изменением «системы традиционных ценностных смыслов и социокультурной среды в целом» [Биткеева, Цыбенова 2022: 23]. Утрата или ослабление тувинского компонента билингвизма в условиях трансформации традиционных ценностных смыслов может оказывать влияние на ослабление ценности идентичности, важнейшей опоры витальности миноритарных (local) языков.

В связи с этим можно прогнозировать постепенное увеличение доли тувинско-русских билингвов, в языковом репертуаре которых русский язык перейдет в категорию L1, вытеснив тувинский язык в категорию L2. И этот возможный вариант предпочтительнее перехода к русскому монолингвизму ценой отказа от родного языка. При планировании языковой политики важно своевременное диагностирование и управление возможными вариантами развития языковой ситуации. Шаги в этом направлении предпринимаются субъектами языковой политики разного уровня, включая исполнительную ветвь государственной власти РТ, утвердившей Стратегию государственной поддержки тувинского языка (см. об этом: [Боргоякова, Биткеева 2023]). К одной из ее важных задач, несомненно, можно отнести актуализацию и поддержку инструментальной ценности тувинского языка в более широком социальном пространстве РТ, традиционно коррелируемой и законодательно закрепленной в большинстве сфер за языком общегосударственного уровня. Данный вектор представляется востребованным и соответствующим принципам справедливой языковой политики в условиях реализации третьей модели языковой политики.

Заключение

Дихотомия ценности прагматизма и ценности этнической идентичности, актуальная для полиэтнических государств, исторически коррелирует с дихотомией большинства и меньшинства и с пониманием языковой справедливости через доминирование языков большинства. В то же время изучение современного академического и институционального дискурсов, а также практических аспектов развития билингвизма выявляет важность более широкого понимания ценности многоязычия с инклюзией ценности не только идентичности, но и прагматизма в отношении местных (local) языков.

В РТ достигнута высокая доля владеющих как родным тувинским, так и общегосударственным русским языком, со-функционирование которых регламентировано языковым законодательством федерального и республиканского уровней. При этом сохраняется коммуникативный потенциал тувинского компонента билингвизма, который базируется на взаимодополняющей связи между ценностями идентичности и прагматизма: родной язык функционирует как L1 у большинства взрослого тувинского населения, прежде всего в семейно-дружеском, а также в профессиональном общении – как в реальном, так и в виртуальном пространстве.

При этом заметный языковой сдвиг в пользу русского языка у тувинских детей связан с доминированием русскоязычного контента в детском развлекательном интернет-пространстве, а также с ослаблением позиций тувинского языка не только в сфере образования, особенно в столице республики, но и в семье. Задачи, вытекающие из сложившейся языковой ситуации, включают создание условий для изучения: а) тувинского языка как L1 или L2, в зависимости от уровня владения им, включая качественное учебно-методическое и кадровое обеспечение; б) русского языка в сельской местности как L2 с активным использованием иммерсионных методов обучения. Представляется, что эти задачи войдут в государственные программы

сохранения и развития обоих государственных языков республики на новый период по итогам анализа результативности текущих государственных программ.

Цель справедливой языковой политики – усиление возможностей и перспектив многоязычия. Следует отметить в этой связи, что целевые установки глобального плана Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032 гг.) [Global Action Plan 2021] актуализируют приведенные выше аргументы о неразделимости задач укрепления инструментальной / прагматической ценности и ценности идентичности, связанные, прежде всего, с локальными коренными языками, которые необходимо учитывать в языковой политике полиэтнических государств.

Литература

Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2018. С. 24–33.

Арефьев А. Л., Бахтикиреева У. М., Синячкин В. П. Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 255–272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Биткеева А. Н., Цыбенова Ч. С. Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Боргоякова Т. Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан: Изд-во Хакасск. госуд. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. 166 с.

Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о стратегии государственной поддержки тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В., Покоякова К. А. Языки Южной Сибири в динамике социального контекста / Отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан, 2022. 160 с.

Донгак В. С., Монгуш Д. Ш. Тувинская этничность как объект исследования // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 146–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172.

Донгак Ч. Б. Тувинский язык: проблемы культуры речи и цифровой витальности (на материале интернет-дискуссий) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 9. С. 2837–2841. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230442>

Кан В. С. Этносоциальный профиль тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 52–72. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (дата обращения: 08.03.2024.)

Ламажсаа Ч. К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Михальченко В. Ю. Социолингвистический аспект классификации языков России // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2019. С. 8–12.

Brando N., Morales-Gálvez S. Capabilities and Linguistic Justice // Political Studies. 2023, no. 71 (3), pp. 676–694. DOI 10.1177/00323217211033846

Codó E., Riera-Gil E. Linguistic Justice and Global English: Applied Linguistic and Political Theoretical Intersections // International Journal of the Sociology of Language. 2022, vol. 2022, no. 277, pp. 95–119. DOI 10.1515/ijsl-2021-0076.

De Schutter H., Robichaud D. Van Parijsian linguistic justice – context, analysis and critiques // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2015, no. 18 (2), pp. 87–112.

Gazzola M., Grin F. Assessing efficiency and fairness in multilingual communication: Towards a general analytical framework // *AILA Review*. 2007, no. 20, pp. 87–105. DOI 10.1075/aila.20.08gaz.

Gazzola M., Wickstrom B.-A., Fettes M. Towards an index of linguistic justice // *Politics Philosophy and Economics*. 2023, vol. 22, iss. 3, pp. 243–270. DOI 10.1177/1470594X231158657

Global action plan of the International decade of Indigenous languages (2022-2032) [URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383844>]

May S. The problem with English(es) and and linguistic (in)justice. Addressing the limits of liberal egalitarian accounts of language in *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. Routledge Taylors&Francis Group, 2015. DOI 10.1080 1369823.2015.1023629

Riera-Gil E. The communicative value of local languages: An underestimated interest in theories of linguistic justice // *Ethnities*. 2019, vol.19 (1), pp. 174–199.

Sen A. *Inequality Reexamined*. Harvard University Press, 1995, 207 p.

Van Parijs P. *Linguistic Justice for Europe and for the World*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 299 p.

References

Alpatov V. M. Yazykovaya politika v sovremennom mire [Language policy in the modern world]. In: *Yazykovoe edinstvo i yazykovoe raznoobrazie v politnicheskom gosudarstve: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 14–17 noyabrya 2018): doklady i soobshheniya* [Linguistic unity and linguistic diversity in a multiethnic state: International Conference (Moscow, November 14–17, 2018): reports and communications]. A. N. Bitkeeva, M. A. Goryacheva (Ed.). Moscow, Yazyki narodov mira, 2019, pp. 24–33. (In Russ.)

Arefiev A. L., Bakhtikireeva U. M., Sinyachkin V. P. Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo yazykovogo obrazovaniya Respubliki Tyva [Problems of bilingualism in the school language education system of the Republic of Tyva]. *The New Research of Tuva*. 2021, no. 1, pp. 255–272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14> (In Russ.)

Bitkeeva A. N., Tsybenova Ch. S. Khronika yazykovogo sdviga v tuvinskom yazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *The New Research of Tuva*. 2022, no. 4, pp. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1> (In Russ.)

Borgoyakova T. G. *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Yuzhnoy Sibiri* [Sociolinguistic processes in the republics of Southern Siberia]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ., 2002, 166 p. (In Russ.)

Borgoyakova T. G., Bitkeeva A. N. Tuvinskiy komponent bilingval'nogo prostranstva ili razmyshleniya o strategii gosudarstvennoy podderzhki tuvinskogo yazyka [The Tuvan component of the bilingual space or reflections on the strategy of state support of the Tuvan language]. *The New Research of Tuva*. 2023, no. 4, pp. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20> (In Russ.)

Borgoyakova T. G., Guseynova A. V., Pokoyakova K. A. *Yazyki Yuzhnoy Sibiri v dinamike sotsial'nogo konteksta* [Languages of Southern Siberia in the dynamics of social context]. T. G. Borgoyakova (Ed. in Ch.). Abakan, 2022, 160 p. (In Russ.)

Brando N. & Morales-Gálvez S. Capabilities and Linguistic Justice. *Political Studies*. 2023, no. 71(3), pp. 676–694. DOI 10.1177/00323217211033846

Codó E., Riera-Gil E. Linguistic Justice and Global English: Applied Linguistic and Political Theoretical Intersections. *International Journal of the Sociology of Language*. 2022, vol. 2022, no. 277, pp. 95–119. DOI 10.1515/ijsl-2021-0076.

De Schutter H., Robichaud D. Van Parijsian linguistic justice – context, analysis and critiques. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2015, no. 18(2), pp. 87–112.

Dongak Ch. B. *Tuvinskiy yazyk: problemy kul'tury rechi i tsifrovoy vital'nosti (na materiale internet-diskussiy)* [Tuvan language: The problems of speech culture and digital vitality (based on the material of online discussions)]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2023, vol. 16, iss. 9, pp. 2837–2841. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230442> (In Russ.)

Dongak V. S., Mongush D. Sh. Tuvinskaya etnichnost' kak ob'ekt issledovaniya [Tuvan ethnicity as an object of research]. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2021, no. 1, pp. 146–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172. (In Russ.)

Gazzola M., Grin F. Assessing efficiency and fairness in multilingual communication: Towards a general analytical framework. *AILA Review*. 2007, no. 20, pp. 87–105. DOI 10.1075/aila.20.08gaz.

Gazzola M., Wickstrom B-A., Fettes M. Towards an index of linguistic justice. *Politics Philosophy & Economics*. 2023, vol. 22, iss. 3, pp. 243–270. DOI 10.1177/1470594X231158657

Global action plan of the International decade of Indigenous languages (2022–2032) URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383844>

Kan V. S. Etnosotsial'nyy profil' tuvintsev [Ethnic social profile of Tuvans]. *The New Research of Tuva*. 2016, no. 2, pp. 52–72. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (accessed 08.03.2024) (In Russ.)

Lamazhaa Ch. K. Sotsial'naya kul'tura tuvintsev i onlayn-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *The New Research of Tuva*. 2021, no. 2, pp. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10> (In Russ.)

May S. *The problem with English(es) and and linguistic (in)justice. Addressing the limits of liberal egalitarian accounts of language in Critical Review of International Social and Political Philosophy*. Routledge Taylors&Francis Group, 2015. DOI 10.1080 1369823.2015.1023629

Mikhailchenko V. Yu. Sotsiolingvisticheskiy aspekt klassifikatsii yazykov Rossii [Sociolinguistic aspect of the classification of Russian languages]. In: *Yazykovoje edinstvo i yazykovoje raznoobrazie v polietnicheskom gosudarstve: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 14–17 noyabrya 2018): doklady i soobshheniya* [Linguistic unity and linguistic diversity in a multiethnic state: International Conference (Moscow, November 14–17, 2018): reports and communications]. A. N. Bitkeeva, M. A. Goryacheva (Ed.). Moscow, Yazyki narodov mira, 2019, pp. 8–12. (In Russ.)

Riera-Gil E. The communicative value of local languages: An underestimated interest in theories of linguistic justice. *Ethnities*. 2019, vol. 19 (1), pp. 174–199.

Sen A. *Inequality Reexamined*. Harvard University Press, 1995, 207 p.

Van Parijs P. *Linguistic Justice for Europe and for the World*. Oxford, Oxford University Press, 2011, 299 p.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
20.03.2024

Сведения об авторах

Боргоякова Тамара Герасимовна – доктор филологических наук, профессор, директор-главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Российская Федерация)

E-mail: tamarabee@mail.ru

ORCID 0000-0001-9958-9086

Донгак Чечена Борисовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Тувинского государственного университета (Кызыл, Российская Федерация)

E-mail: 4e4enka84@mail.ru

ORCID 0009-0008-8561-1025

Information about the Authors

Tamara G. Borgoiakova – Doctor of Philology, Director, Principal Researcher, Research Institute of Humanities and Sayano-Altai Turkology; Professor, Department of Foreign Linguistics and Language Theory of the Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: tamarabee@mail.ru

ORCID 0000-0001-9958-9086

Chechena B. Dongak – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation)

E-mail: 4e4enka84@mail.ru

ORCID 0009-0008-8561-1025